

На улице уже рассвело, Чэн Фэнтай дал пять юаней извозчику, чтобы тот сходил домой и вызвал Старину Гэ. Вскоре тот подъехал на автомобиле, и Чэн Фэнтай с грохотом захлопнул дверцу:

— В Особняк Цао!

Старина Гэ, привыкший к тому, что его хозяин обычно занят только азартными играми и ухаживаниями за лицедеями, был удивлен, увидев, что тот наконец-то занялся чем-то серьезным. Он решил, что встреча с Командующим Цао — это важное дело, и с энтузиазмом взялся за руль, разогнав машину быстрее обычного. Они свернули на главной улице и направились в Фэнтай.

Чэн Фэнтай жил в бывшем дворце князя, а Командующий Цао — в роскошном четырехэтажном особняке. Охранники открыли кованые ворота с узорами, и Чэн Фэнтай, выйдя из машины, велел им:

— Не закрывайте ворота, я скоро уеду.

Он остановил автомобиль у главного входа и, обращаясь к Старине Гэ, добавил:

— Жди здесь, никуда не уходи!

— Куда мне идти? — удивился Старина Гэ.

— И не вздумай выйти покурить или поболтать, сиди в машине! — настаивал Чэн Фэнтай.

Старина Гэ рассмеялся, не понимая, почему его хозяин сегодня так многословен:

— Ладно, понял.

Чэн Фэнтай снова поправил воротник, слегка прокашлялся и вошел внутрь. В доме Цао в это время завтракали: во главе стола сидел Командующий Цао, справа от него — его жена Чэн Мэйсинь, а слева — трое их детей. Бедная Чэн Мэйсинь, привыкшая к ночной жизни в Шанхае, теперь была вынуждена вставать рано утром, чтобы обслуживать семью за столом. На столе стояли хлеб, масло, джем и молоко — Чэн Мэйсинь все же сохранила свои привычки, а дети, возможно, из желания угодить, тоже последовали ее примеру. Лишь перед Командующим Цао стояла миска кисловатой лапши с большой тарелкой нарезанного мяса и чеснока.

Еще до того, как Чэн Фэнтай вошел, его уже объявили. Дети встали и почтительно поздоровались с ним, называя его дядей. Командующий Цао, не поднимая головы, указал на свободное место рядом с Чэн Мэйсинь:

— Садись! Пусть подадут тебе лапшу! Уксусу маловато!

Чэн Мэйсинь тут же велела принести уксус и, улыбаясь, спросила:

— Ты редко встаешь так рано. Что-то случилось?

— Ничего особенного, просто хотел поболтать с шурином, — ответил Чэн Фэнтай.

Командующий Цао, хлюпя лапшой, не поддержал разговор, видимо, был не в духе, а возможно, даже все еще злился. Обычно, когда его зять приходил, он с удовольствием разглагольствовал на разные темы. Чэн Фэнтай выпил чашку горячего молока и обратил внимание на сидящую напротив Третью госпожу Цао, девушку лет семнадцати-восемнадцати, одетую в европейское платье с короткой юбкой и с хвостиком, перевязанным лентой. Этот наряд явно был выбран Чэн Мэйсинь. У девушки было нежное лицо с румяными щеками, и хотя ее черты нельзя было назвать особенно красивыми, она излучала юношескую свежесть. Заметив, что Чэн Фэнтай смотрит на нее, она покраснела и, прикрыв лицо чашкой, сделала глоток воды.

Чэн Фэнтай улыбнулся. Эта девушка по своему характеру напоминала Шан Сижую, словно они были братом и сестрой. Вообще, он считал, что все женщины похожи на Шан Сижую, как будто они давно потерянные братья или сестры. Например, Юй Цин, которая выглядела как настоящая красавица, но стоило ей заговорить, как она становилась похожа на мать Шан Сижую.

Командующий Цао, закончив завтрак, почистил зубы и поднялся наверх. Чэн Фэнтай последовал за ним, а Чэн Мэйсинь, дождавшись, когда они зайдут в кабинет и закроют дверь, тихонько притаилась за дверью, чтобы подслушать. Она знала, что если Чэн Фэнтай встал так рано, то дело явно нешуточное. Ее успех в доме Цао заключался в том, что она всегда знала обо всем, что происходило в семье.

Командующий Цао, как обычно, достал из ящика коробку сигарет в серебряной упаковке и бросил ее Чэн Фэнтаю. Тот поймал, но не стал курить, а сев на подлокотник дивана, набрался решимости и заявил:

— Шурин, я сошелся с Шан Сижуюем.

Чэн Мэйсинь за дверью выпрямилась и тихо выругалась, продолжая подслушивать. Командующий Цао уставился на него, а потом рассмеялся и закурил:

— Отлично! Ты ведь любил таких... таких девиц с пышными формами, говорящих на иностранных языках. Не думал, что тебя зацепит этот лицедей! Он, конечно, огонь! С характером!

Тут он вспомнил, как вчера пытался изнасиловать Шан Сижую, но получил от него кулаком в лицо, и непроизвольно потрогал еще ноющее место:

— Малый, ты молодец, у тебя глаз на такие вещи!

Но Чэн Фэнтай не шутил. Он крутил серебряную коробку в пальцах и серьезно произнес:

— Шурин, ты, может, не поверишь, но я действительно люблю Шан Сижую.

Командующий Цао затянулся сигаретой:

— Он, конечно, привлекательный! В постели — огонь, а в жизни — дерзкий!

Эти слова больно резанули Чэн Фэнтая. Он встал, помолчал и, нахмурившись, сказал:

— Шурин, как мне еще тебе объяснить? Я влюбился в Шан Сижую и не хочу, чтобы кто-то относился к нему с неуважением. Иначе... — Он не договорил, тяжело вздохнув.

Чэн Мэйсинь за дверью была поражена. Она с детства знала манеру речи Чэн Фэнтая и без труда отличала правду от лжи. Ей не нужны были дополнительные доказательства, чтобы понять, что он говорит искренне. Пока она приходила в себя, в комнате началась драка. Командующий Цао, который вчера уже дрался с Шан Сижуюем, не смог справиться с ним — тот, будучи опытным актером воинских ролей, оказался сильнее даже его личной охраны. Шан Сижуй вырвался и сбежал, прыгнув с балкона, оставив Командующего Цао в ярости. И вот теперь, ранним утром, Чэн Фэнтай явился к нему, как будто был мужем оскорбленной женщины, и начал выяснять отношения. Командующий Цао, привыкший считать Чэн Фэнтая почти сыном, почувствовал себя униженным и разгневанным. Он выхватил оружие и выстрелил в Чэн Фэнтая:

— Ёб твою мать! Что значит «иначе»? Я спал с лицедеем, а ты смеешь говорить «иначе»? Попробуй только!

Пуля пробила коробку сигарет в руках Чэн Фэнтая. Тот, почувствовав удар, бросился бежать, наткнувшись на Чэн Мэйсинь за дверью. Та вскрикнула, а Чэн Фэнтай уже спрыгнул с лестницы. Командующий Цао, ругаясь, выбежал вслед и выстрелил ему вдогонку дважды. Одна пуля угодила в стену, а другая разбила гипсовую статую в греческом стиле.

Чэн Мэйсинь схватила Командующего Цао за руку, тряся его и рыдая:

— Командующий! Если он рассердил вас, вы можете его наказать, но не убивайте его! У меня только один брат! Пожалуйста, сжальтесь надо мной!

На самом деле, если бы Командующий Цао действительно хотел попасть, Чэн Фэнтай не смог бы убежать. Но он лишь хотел напугать его, и, когда Чэн Мэйсинь стала его дергать, оружие случайно выстрелило в хрустальную люстру. Та разлетелась на осколки, которые осыпали Чэн Фэнтая. Вокруг раздались крики. Третья госпожа Цао и младший мальчик, которые все еще завтракали, привыкли к тому, что в доме Цао люди часто умирали с пулями в головах. Но впервые они увидели, как их отец стреляет в дядю, и это было ужасающе. Они схватились за руки и, потрясенные, наблюдали, как Чэн Фэнтай садится в машину и уезжает.

Командующий Цао, больше не рискуя стрелять, оперся на перила второго этажа и, указывая оружием на удаляющуюся машину, усмехнулся:

— Ёб твою мать, трус! Бегает, как заяц! Если бы напали бандиты, он бы тоже убежал! Не зря

он берет с собой больше солдат, чем я на войне!

Он повернулся и вернулся в кабинет, словно его гнев мгновенно испарился. Чэн Мэйсинь, увидев, что все обошлось, вытерла слезы и пробормотала на своем родном языке:

— Мерзавец! Связался с Шан Сижуюем, забыл все предупреждения... Лучше бы его застрелили!

Затем она принялась распоряжаться слугами, чтобы те убрали последствия происшествия.

Машина Чэн Фэнтай выехала за ворота особняка Цао, и он то и дело оглядывался, опасаясь погони. Старина Гэ, услышав выстрелы, а затем увидев, как Чэн Фэнтай выбегает с криками «Бежим!», догадался, что произошло. Он подумал, что хозяин был прав, оставив машину у входа, иначе бы ему не поздоровилось. Всю дорогу он наблюдал, как Чэн Фэнтай, словно обезьяна, снимает с себя одежду и вытряхивает осколки стекла.

<http://bllate.org/book/15435/1368652>